

УДК 343.973

DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).289-300

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА

В.В. Андреев^{1, 2}, Е.Н. Кадышев¹, А.И. Картунов³, В.Л. Семенов¹

¹ Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

² Институт перспективных исследований при Московском педагогическом государственном университете,
г. Москва, Российская Федерация

³ ОАО «Чувашкабель», г. Чебоксары, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 октября 2014 г.

Дата принятия в печать

26 января 2016 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2016 г.

Ключевые слова

Терроризм; распространение
терроризма; предупреждение
терроризма; социально-
экономические причины
терроризма; Северо-Кавказский
федеральный округ

Финансирование

Грант Института перспективных
исследований при Московском
педагогическом государственном
университете

Аннотация. Для профилактики терроризма и борьбы с ним необходимо ясно представлять причины его возникновения и распространения. Значительная роль в выработке мер по противодействию терроризму и предотвращению террористических актов принадлежит анализу социально-экономических факторов его возникновения и распространения.

Терроризм является опаснейшей угрозой общественно-политической и экономической стабильности общества и имеет сложный и многомерный характер. Так, результаты многих исследований свидетельствуют, что управление насилием в форме террористических актов на основе личных контактов членов групп могут поддерживать формирования только небольших групп людей, состоящих из 25–50 индивидов. Кроме того, под влиянием нелегитимного насилия, которое может осуществляться как государством, так и негосударственными участниками политического процесса, происходит структуризация властных отношений в обществе. Последние исследования позволяют утверждать, что криминология и социология в аспекте противодействия терроризму тесно взаимосвязаны.

В статье исследована корреляция между уровнем безработицы в 1990-е и 2000-е гг. и количеством зарегистрированных преступлений террористического характера в Северо-Кавказском федеральном округе с 2009 по 2014 г., а также между величиной отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню в тот же период и количеством зарегистрированных преступлений террористического характера с 2009 по 2014 г. Показано наличие существенной линейной корреляционной зависимости между числом зарегистрированных преступлений террористического характера и уровнем безработицы, а также величиной отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню, имевшими место в 1990-е и 2000-е гг. Кроме того, выделяются корреляционные зависимости с данными 16–18-летней давности. Таким образом, при разработке программ профилактики и предупреждения терроризма следует учитывать уровень благосостояния населения в регионе, отмечавшийся в предыдущие годы.

SOCIO-ECONOMIC CAUSES OF TERRORISM'S PROLIFERATION

Vsevolod V. Andreev^{1, 2}, Evgenii N. Kadyshchev¹, Alexander I. Kortunov³, Vladislav L. Semenov¹

¹ Chuvash State University, Cheboksary, the Russian Federation

² Russian Institute for Advanced Study, Moscow State Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation

³ JSC Chuvashkabel, Cheboksary, the Russian Federation

Article info

Received

2014 October 5

Accepted

2016 January 26

Available online

2016 June 29

Abstract. It is necessary to have a clear understanding of the origins and causes of the emergence and proliferation of terrorism in order to prevent and fight it. The analysis of the socio-economic factors of its emergence and proliferation plays a considerable role in the development of measures to counteract terrorism and prevent acts of terror. Terrorism is an extreme threat to the public, political and economic stability of the state, it is complex and multi-dimensional. Thus, many research results indicate that it is only small groups of people, consisting of 25–50 individuals, who can organize violent terrorist attacks through personal contacts. Besides, unlawful violence of the governmental or non-governmental participants of the political process influences the structuring of power relations in society. Recent research allows to state that criminology and sociology are closely connected when it concerns terrorism counteraction.

Keywords

Terrorism; terrorism's proliferation; terrorism prevention; socio-economic causes of terrorism; Northern Caucasus Federal District

Financing

Grant from the Russian Institute for Advanced Study of Moscow State Pedagogical University

The authors researched the correlation between the levels of unemployment in 1990s and 2000s and the number of registered terrorist crimes in Northern Caucasus Federal District from 2009 to 2014, as well as between the relation of the average monthly gross wages to the general Russian level in the same period and the number of registered terrorist crimes from 2009 to 2014. The authors show that there is a considerable linear correlation between the number of registered terrorist crimes and the level of unemployment, as well as the value of the relation of the average monthly gross wages to the general Russian level in 1990s and 2000s. Besides, they identified correlations with the data that are 16–18 years old. Thus, when developing terrorism prevention programs it is necessary to take into account the standard of living in the region in the previous years.

Терроризм является опаснейшей угрозой общественно-политической и экономической стабильности общества. Различные аспекты проявлений терроризма исследованы в трудах [1–18]. Так, в работе [1] рассмотрены вопросы управления организованным насилием в обществе. Ее автор приходит к выводу, что управление насилием в форме террористических актов на основе личных контактов членов групп могут поддерживать формирования только небольших групп людей, состоящих из 25–50 индивидов. В более крупных группах контроль над организованным насилием не может осуществляться только на основе личных отношений членов групп. Форма терроризма, связанная с захватом заложников, исследована в работе [2]. В ней отмечено, что захват заложников является уникальной формой терроризма, включающей в себя прямые переговоры между представителями государства и членами группы, захватившей заложников. В работах, посвященных исследованию терроризма, преобладает вывод о том, что демократии больше всех страдают от террористических атак [3–6]. Вопросы, связанные с влиянием в современной России ислама и исламизма на организованное насилие, изучены в работе [7]. Сложный и многомерный характер терроризма, не вписывающийся в рамки ни организованной группы, ни преступного сообщества, отмечен в труде [8]. Взаимоотношениям международного права и национального уголовного законодательства в вопросах борьбы с терроризмом посвящено исследование [9], анализу проблемы разработки доктрины в области противодействия терроризму — исследование [10]. В работе [11] рассмотрены вопросы структуризации властных отношений в обществе на основе института нелегитимного насилия, которое может осуществляться как государством, так и негосударственными участниками политического процесса.

Последние исследования позволяют утверждать, что криминология и социология в аспекте противодействия терроризму тесно взаимосвязаны [12–15]. Важное значение для понимания причин проявлений терроризма имеет развитие строго обоснованных количественных методов и технологий исследования [13; 16; 17]. Так, в труде [13] отмечено, что должны быть выработаны методы оценки эффективности борьбы с терроризмом и органы государственной власти должны владеть ими.

Для профилактики терроризма и борьбы с ним необходимо ясно представлять причины его возникновения и распространения. Значительная роль в выработке мер по противодействию терроризму и предотвращению террористических актов принадлежит анализу социально-экономических факторов его возникновения и распространения [18; 19]. Тесная обусловленность раннего терроризма экономической составляющей наряду с политической мотивацией была показана в работе [20].

В России наиболее проблемным регионом с точки зрения проявлений терроризма является Северо-Кавказский федеральный округ. Официальные данные о количестве зарегистрированных преступлений террористического характера в РФ в целом и в Северо-Кавказском федеральном округе в частности с 2009 по 2014 г.¹ представлены в табл. 1.

В табл. 2–8 содержатся данные государственной статистики о социально-экономическом положении субъектов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ². В столбцах табл. 2–8 представлены следующие данные: в столбце 1 — уровень безработицы, %; в столбце 4 — отношение среднемесячной номинальной начисленной

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL : <http://crimestat.ru>.

² Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL : <http://www.gks.ru>.

Таблица 1 / Table 1

**Количество зарегистрированных преступлений террористического характера
в Российской Федерации в 2009–2014 гг.**

Number of registered terrorist crimes in the Russian Federation in 2009–2014

Регион / Region	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация / The Russian Federation	654	581	622	637	661	1 127
Северо-Кавказский федеральный округ / Northern Caucasus Federal District	533	464	576	565	579	883
Республика Дагестан / Dagestan Republic	44	63	220	295	365	472
Республика Ингушетия / Ingushetia Republic	41	35	67	38	34	64
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkaria Republic	4	26	48	67	93	157
Карачаево-Черкесская Республика / Karachaevo-Circassian Republic	6	13	19	30	16	41
Республика Северная Осетия — Алания / Northern Ossetia — Alaniya Republic	1	4	2	0	1	7
Чеченская Республика / Chechen Republic	437	320	218	127	66	121
Ставропольский край / Stavropol Krai	0	3	2	8	4	21

заработной платы к общероссийскому уровню; в столбцах 2, 3 и 5, 6 — коэффициенты линейной корреляции количественных показателей, приведенных в столбцах 1 (столбцы 2 и 3) и 4 (столбцы 5 и 6) соответственно, с данными о количестве зарегистрированных преступлений террористического характера по Северо-Кавказскому федеральному округу с 2009 по 2014 г. Коэффициенты корреляции, представленные в табл. 2–8, вычислялись следующим образом. Например, коэффициент корреляции 0,928 1, представленный в строке за 1996 г. в столбце 2 табл. 2, показывает, в какой степени коррелируют данные об уровне безработицы в Республике Дагестан с 1992 по 1996 г. с данными о количестве зарегистрированных преступлений террористического характера по республике с 2009 по 2013 г. Коэффициент корреляции 0,962 0 в строке за 1997 г. в столбце 2 табл. 2 показывает степень корреляции количественных показателей уровня безработицы с 1993 по 1997 г. с теми же вышеуказанными данными о количестве зарегистрированных преступлений террористического характера по Республике Дагестан с 2009 по 2013 г. Величина 0,934 5 в строке за 1996 г. в столбце 3 табл. 2 является коэффициентом корреляции количественных показателей уровня безработицы с 1992 по 1996 г. с данными о числе зарегистрированных преступлений террористического характера по Республике Дагестан с 2010 по 2014 г. Остальные коэффициенты корреляции в табл. 2–8 вычислялись аналогично. Так, в столбцах 5 и 6 табл. 2–8 представлены коэффициенты корреляции между отношением среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню и количеством зарегистрированных преступлений террористического характера

с 2009 по 2013 г. (столбец 5) и с 2010 по 2014 г. (столбец 6).

Показатели уровня безработицы в Республике Дагестан с 1992 по 1998 г. в значительной мере коррелируют с увеличением количества террористических актов с 2009 по 2013 г. (коэффициент корреляции превышает величину 0,82 — см. столбец 2 табл. 2). Динамика числа зарегистрированных преступлений террористического характера с 2010 по 2014 г. в высокой степени коррелирует с показателями уровня безработицы в Республике Дагестан с 1992 по 1999 г. (коэффициент корреляции превышает величину 0,71 — см. столбец 3 табл. 2). В столбце 2 максимальное значение коэффициента корреляции, равное 0,962 0, достигается с данными уровня безработицы с 1993 по 1997 г. Аналогичная величина в столбце 3, равная 0,945 1, достигается с данными уровня безработицы с 1994 по 1998 г. В последующие временные интервалы высокие значения (по абсолютной величине) коэффициента корреляции между уровнем безработицы и количеством террористических актов с 2009 по 2013 г. отмечаются в интервалах времени с 1999 по 2003 г. (коэффициент корреляции равен –0,706 8); с 2004 по 2008 г. (–0,861 1); с 2005 по 2009 г. (–0,926 4); с 2006 по 2010 г. (–0,865 6); с 2009 по 2013 г. (–0,869 2). В столбце 3 табл. 2 высокие по абсолютной величине значения коэффициента корреляции между количеством террористических актов с 2010 по 2014 г. и уровнем безработицы имеют место с 1998 по 2002 г. (–0,745 5); с 1999 по 2003 г. (–0,748 0); с 2004 по 2008 г. (–0,949 5); с 2005 по 2009 г. (–0,860 0); с 2006 по 2010 г. (–0,816 0); с 2007 по 2011 г. (–0,784 3); с 2010 по 2014 г. (–0,986 9). Высокая отрицательная корреляция в указанные периоды соответствует тому,

что темпы снижения уровня безработицы хорошо коррелируют с количественными показателями роста числа террористических актов с 2009 по 2014 г. Здесь имеется высокая положительная корреляция роста количества террористических актов с 2009 по 2014 г. с динамикой уровня безработицы примерно 16-летней давности. Причина этого может заключаться в том, что детям и подросткам в те годы пришлось стать свидетелями того, что их родители вдруг оказались в очень тяжелых жизненных условиях. Им сейчас за 20 и около 30 лет. С тех пор уровень безработицы сохраняется на достаточно высоком уровне (более 10,2 %) при низком значении отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню (менее 50 % за исключением периода с 2012 по 2014 г.). Высокие отрицательные коэффициенты корреляции между ростом количества террористических актов с 2009 по 2014 г. и динамикой снижения уровня безработицы в последние годы также могут быть факторами, подталкивающими часть молодых людей к противоправным действиям, так как хотя и наблюдается некоторое медленное улучшение социально-экономической

ситуации, но оно при высоком уровне безработицы и низком отношении среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню охватывает далеко не все слои населения.

Если же рассматривать корреляцию между количеством террористических актов с 2009 по 2013 г. и отношением среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню (см. столбец 5 табл. 2) в разные временные интервалы, то высокая отрицательная корреляция, равная $-0,611\ 0$, имеется с данными с 1995 по 1999 г. Аналогичная корреляция с количеством террористических актов с 2010 по 2014 г. принимает значение $-0,780\ 7$ в интервале времени с 1994 по 1998 г. (см. столбец 6 табл. 2). Это соответствует тому, что в указанные периоды имела место общая тенденция к снижению отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню при росте количества террористических актов с 2009 по 2014 г. Здесь следует отметить, что абсолютное значение коэффициента корреляции, равное $-0,611\ 0$ (столбец 5 табл. 2), все же не слишком высоко. Скорее

Таблица 2 / Table 2

Республика Дагестан / Dagestan Republic

Год / Year	1	2	3	4	5	6
1992	14,5
1993	17,5
1994	18,0	0,491 8
1995	25,3	0,364 3
1996	27,7	0,928 1	0,934 5	0,384 3
1997	27,0	0,962 0	0,880 5	0,383 6
1998	30,0	0,824 3	0,945 1	0,368 3	$-0,553\ 7$	$-0,780\ 7$
1999	27,9	0,637 2	0,713 6	0,329 8	$-0,611\ 0$	$-0,528\ 9$
2000	26,5	$-0,046\ 9$	$-0,167\ 9$	0,395 2	$-0,260\ 2$	$-0,162\ 2$
2001	29,3	$-0,055\ 0$	0,235 1	0,361 7	$-0,120\ 7$	$-0,186\ 9$
2002	24,1	$-0,642\ 1$	$-0,745\ 5$	0,420 7	0,714 5	0,569 6
2003	20,9	$-0,706\ 8$	$-0,748\ 0$	0,438 2	0,765 0	0,894 3
2004	27,2	$-0,473\ 3$	$-0,268\ 4$	0,445 2	0,914 4	0,730 4
2005	22,1	$-0,456\ 8$	$-0,605\ 7$	0,427 8	0,694 1	0,807 5
2006	22,1	$-0,021\ 7$	$-0,198\ 8$	0,426 0	$-0,038\ 8$	0,126 9
2007	20,2	$-0,527\ 8$	$-0,245\ 6$	0,419 1	$-0,951\ 0$	$-0,810\ 0$
2008	13,2	$-0,861\ 1$	$-0,949\ 5$	0,439 3	$-0,273\ 6$	$-0,367\ 1$
2009	13,2	$-0,926\ 4$	$-0,860\ 0$	0,489 6	0,716 9	0,720 0
2010	14,8	$-0,865\ 6$	$-0,816\ 0$	0,488 9	0,929 4	0,838 3
2011	12,7	$-0,570\ 2$	$-0,784\ 3$	0,480 8	0,878 0	0,850 9
2012	11,7	$-0,417\ 0$	$-0,441\ 8$	0,513 0	0,709 0	0,890 8
2013	11,6	$-0,869\ 2$	$-0,661\ 3$	0,571 9	0,759 5	0,758 6
2014	10,2	...	$-0,986\ 9$	0,559 9	...	0,827 6

всего, при низком отношении среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню основным фактором, имевшим значительное влияние на рост количества террористических актов в последние годы, был высокий уровень безработицы в середине 90-х гг. прошлого века. Как было отмечено выше, между динамикой уровня безработицы в те годы и динамикой количества террористических актов с 2009 по 2014 г. в Республике Дагестан существует очень высокая линейная положительная корреляция, которая превышает величину 0,9).

Высокий отрицательный коэффициент корреляции роста количества террористических актов со снижением отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню имеется также в интервале с 2003 по 2007 г. (–0,951 0). Высокие положительные значения коэффициента корреляции достигаются в интервалах времени с 1999 по 2003 г. (0,765 0); с 2000 по 2004 г. (0,914 4); с 2006 по 2010 г. (0,929 4); с 2007 по 2011 г. (0,878 0). Похожую динамику имеют также данные в столбце 6 табл. 2.

Особенностью Республики Ингушетия является высокий уровень безработицы (см. столбец 1 табл. 3). Динамика количества террористических актов с 2009 по 2013 г. хорошо коррелирует с динамикой уровня безработицы с 1995 по 1999 г., и коэффициент корреляции равен 0,608 5 (см. столбец 2 табл. 3). Здесь следует обратить внимание на то, что доступные официальные статистические данные начинаются с 1995 г. Высокая по абсолютной величине корреляция динамики числа террористических актов с 2009 по 2013 г. имеется также с данными с 1998 по 2002 г. (коэффициент корреляции –0,646 7); с 2002 по 2006 г. (коэффициент корреляции –0,675 7); с 2003 по 2007 г. (коэффициент корреляции 0,779 3), с 2005 по 2009 г. (коэффициент корреляции –0,642 6). При этом на фоне высокого уровня безработицы наблюдается значительная положительная корреляция динамики количества террористических актов с 2009 по 2013 г. с величинами отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню с 1996 по 2000 г. (коэффициент корреляции 0,619 6), хотя в то же время с величинами вышеназванного отношения с 1997 по 2001 г. имеется отрицательная корреляция, равная –0,739 3. Также высокие отрицательные корреляции между динамикой

количества террористических актов с 2009 по 2013 г. и уровнем безработицы наблюдаются в интервалах времени с 2002 по 2006 г. (–0,657 5); с 2006 по 2010 г. (–0,667 1). Первый из перечисленных интервалов близок к интервалу с 2003 по 2007 г. для Республики Дагестан, в котором также получается высокий отрицательный коэффициент корреляции (см. столбец 5 табл. 2). В то же время для Республики Дагестан в интервале времени с 2005 по 2013 г. достигаются высокие положительные линейные корреляции между динамикой террористических актов с 2009 по 2013 г. и динамикой отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню. Особенностью Республики Ингушетия является снижение количества зарегистрированных террористических актов с 2011 по 2013 г. (однако в 2014 г. этот показатель вырос почти в 2 раза по сравнению с предыдущим годом) на фоне высокого уровня безработицы и неуклонного роста в последние годы отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню, которая в 2013 г. достигла значения 0,717 3 против 0,5155 в 2008 г. (достигнутый в 2013 г. уровень упал до 0,646 0 в 2014 г.). Коэффициент линейной корреляции ни в одном из интервалов не превышает по абсолютной величине значения 0,78. Причиной подобной динамики может являться то, что в Республике Ингушетия, возможно, со стороны властей проводится (или проводилась в определенные периоды) достаточно жесткая линия по противодействию терроризму.

Отмеченная здесь общая тенденция динамики корреляции количества террористических актов с 2009 по 2013 г. с показателями уровня безработицы и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню выполняется также для данных по количеству террористических актов в период с 2010 по 2014 г.

Тенденции в динамике количества террористических актов с 2009 по 2014 г. в Кабардино-Балкарской Республике в целом повторяют ситуацию в Республике Дагестан. Так, в 2011 г. число безработных в Кабардино-Балкарской Республике и в Республике Дагестан составляло 43 и 167 тыс. чел. соответственно³. С учетом показателей на одного безработного количе-

³ URL : <http://www.gks.ru>.

Таблица 3 / Table 3

Республика Ингушетия / Ingushetia Republic

Год / Year	1	2	3	4	5	6
1995	43,1	0,494 3
1996	32,2	0,499 2
1997	58,2	0,528 8
1998	50,9	0,582 8
1999	51,8	0,608 5	–0,487 8	0,512 4	0,093 7	–0,486 2
2000	30,3	0,231 8	0,032 8	0,559 3	0,619 6	0,256 5
2001	33,4	0,396 8	–0,132 8	0,542 6	–0,739 3	0,567 8
2002	43,7	–0,646 7	0,516 8	0,625 9	–0,080 1	0,040 3
2003	55,8	–0,435 0	–0,088 4	0,650 4	–0,459 8	0,351 4
2004	43,5	0,091 7	–0,300 7	0,593 9	0,392 9	–0,554 4
2005	63,1	0,215 8	0,437 5	0,636 9	0,346 0	0,505 2
2006	57,8	–0,675 7	0,352 8	0,604 9	–0,657 5	0,190 3
2007	46,6	0,779 3	–0,912 1	0,536 0	0,566 8	–0,758 0
2008	53,3	0,188 6	0,686 8	0,515 5	0,332 3	0,069 6
2009	53,2	–0,642 6	0,065 8	0,587 9	–0,409 2	0,364 5
2010	49,7	0,335 5	–0,881 0	0,613 6	–0,667 1	–0,036 6
2011	48,1	0,459 9	0,247 9	0,621 0	0,099 7	–0,180 3
2012	47,7	–0,062 0	0,064 6	0,687 3	–0,087 8	0,452 2
2013	43,7	0,098 7	–0,441 6	0,717 3	–0,360 0	0,265 9
2014	29,8	...	–0,479 8	0,646 0	...	–0,495 1

ство террористических актов с 2009 по 2014 г., совершенных в этих республиках, сопоставимо (см. табл. 1). Рост уровня безработицы в Кабардино-Балкарской Республике с 1992 по 1999 г. очень хорошо коррелирует с динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. (коэффициент корреляции превышает величину 0,924 1 — см. столбец 2 табл. 4) и с 2010 по 2014 г. (коэффициент корреляции превышает величину 0,857 7 — см. столбец 3 табл. 4). Этот коэффициент также имеет высокие значения, превышающие величину 0,91, для количественных данных уровня безработицы с 2000 по 2005 г. Высокие отрицательные значения коэффициента корреляции между уровнем безработицы и числом террористических актов с 2009 по 2013 г. имеют место для временных интервалов с 1998 по 2002 г. (–0,709 6); с 2003 по 2013 г. (здесь коэффициент линейной корреляции колеблется от –0,793 6 до –0,989 4). Аналогичные тенденции прослеживаются также в столбце 3 табл. 4 для данных о динамике количества террористических актов с 2010 по 2014 г.

Для Кабардино-Балкарской Республики высокое положительное значение коэффициента корреляции между динамикой отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню и дина-

микой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. имеет место в интервалах времени с 1994 по 1998 г. (коэффициент корреляции равен 0,839 6 — см. столбец 5 табл. 4), а также с 2001 по 2006 г. (0,918 0 для временного интервала с 2001 по 2005 г. и 0,895 1 — с 2002 по 2006 г.). Высокие отрицательные значения коэффициента корреляции между названными показателями достигаются в интервалах с 1997 по 2001 г. (–0,816 7); с 1998 по 2002 г. (–0,806 1). Аналогичная тенденция характерна для динамики количества террористических актов с 2010 по 2014 г. (см. столбец 6 табл. 4). Здесь при существенно меньшем уровне безработицы, чем в Республике Ингушетия (в то же время отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню отстает от аналогичной величины в Республике Ингушетия), в последние годы происходит неуклонный рост числа террористических актов.

В Карачаево-Черкесской Республике тенденции в динамике количества террористических актов с 2009 по 2013 г. в целом также повторяют ситуацию в Республике Дагестан. Так, в 2011 г. число безработных в Карачаево-Черкесской Республике и в Республике Дагестан составляло 20 и 167 тыс. чел. соответственно⁴.

⁴ URL : <http://www.gks.ru>.

С учетом нормировки показателей на одного безработного количество террористических актов с 2009 по 2013 г., совершенных в этих республиках, сопоставимо (см. табл. 1). В то же время следует отметить, что в 2013 г. число зарегистрированных террористических актов по сравнению с 2012 г. сократилось почти вдвое (16 и 30 соответственно — см. табл. 1), подскочив до 41 в 2014 г. В результате корреляция динамики количества террористических актов с 2010 по 2014 г. с показателями уровня безработицы и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню получается несколько иная (см. столбец 3 табл. 5). Высокое положительное значение коэффициента корреляции, равное 0,867 4, между динамикой уровня безработицы и динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. достигается в интервале времени с 1992 по 1996 г. (см. столбец 2 табл. 5). В то же время в столбце 3 табл. 5 имеем меньший коэффициент корреляции (0,570 3) в интервале времени с 1994 по 1998 г. В столбце 2 табл. 5 высокие отрицательные значения коэффициента корреляции имеют место в интервалах времени с 1999

по 2003 г. (–0,935 2); с 2007 по 2011 г. (–0,792 1); с 2008 по 2012 г. (–0,742 3); с 2009 по 2013 г. (–0,929 2). В столбце 3 табл. 5 наблюдаем высокие по абсолютной величине отрицательные коэффициенты корреляции между динамикой количества террористических актов с 2010 по 2014 г. и показателями уровня безработицы в интервалах времени с 1995 по 1999 г. (–0,671 6); с 1998 по 2002 г. (–0,804 2); с 2008 по 2012 г. (–0,694 0) и высокие положительные значения в периоды с 2002 по 2006 г. (0,787 7); с 2010 по 2014 г. (0,610 7).

Высокое положительное значение коэффициента корреляции между динамикой отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню и динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. имеет место для Карачаево-Черкесской Республики в интервалах времени с 1994 по 1998 г. (0,689 6 — см. столбец 5 табл. 5), а также с 2000 по 2004 г. (0,815 7) и с 2004 по 2008 г. (0,604 0). Высокие отрицательные величины коэффициента корреляции между этими показателями достигаются в интервале с 1998 по 2002 г. (–0,836 4). Высокая положительная

Таблица 4 / Table 4

Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkaria Republic

Год / Year	1	2	3	4	5	6
1992	9,3
1993	9,6
1994	14,3	0,502 7
1995	14,3	0,501 7
1996	17,1	0,956 2	0,916 7	0,552 0
1997	17,7	0,931 4	0,857 7	0,541 1
1998	23,9	0,924 1	0,978 5	0,550 3	0,839 6	0,742 8
1999	25,1	0,956 7	0,926 1	0,544 8	0,636 0	0,514 7
2000	16,9	0,244 2	0,010 3	0,531 0	–0,737 8	–0,834 2
2001	17,0	–0,318 8	–0,414 1	0,501 5	–0,816 7	–0,918 7
2002	19,1	–0,709 6	–0,561 1	0,520 5	–0,806 1	–0,679 9
2003	22,8	–0,092 9	0,092 9	0,523 3	–0,532 2	–0,360 8
2004	24,9	0,960 7	0,955 6	0,521 6	0,037 6	0,069 8
2005	23,9	0,910 6	0,785 9	0,543 9	0,918 0	0,929 4
2006	20,8	0,284 7	0,059 7	0,550 3	0,895 1	0,914 0
2007	18,0	–0,793 6	–0,873 6	0,530 7	0,514 8	0,313 9
2008	17,8	–0,961 2	–0,885 8	0,522 5	–0,141 9	–0,304 3
2009	14,6	–0,980 4	–0,938 4	0,578 3	0,336 5	0,541 1
2010	12,7	–0,976 9	–0,957 3	0,556 7	0,407 2	0,408 9
2011	10,5	–0,978 5	–0,954 1	0,556 8	0,605 8	0,475 7
2012	8,9	–0,989 4	–0,930 6	0,612 7	0,776 7	0,829 0
2013	10,5	–0,834 4	–0,677 2	0,608 9	0,667 6	0,695 2
2014	9,5	...	–0,601 7	0,625 4	...	0,837 9

корреляция между динамикой отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню и динамикой количества террористических актов с 2010 по 2014 г. имеет место в временных интервалах с 1994 по 1998 г. (0,754 6); с 2005 по 2009 г. (0,866 1); с 2008 по 2012 г. (0,714 4) (столбец 6 табл. 5). Значительная по абсолютной величине корреляция, равная –0,829 4, достигается в период с 2006 по 2010 г.

Республика Северная Осетия — Алания, как и Ставропольский край, выделяется среди других республик Северо-Кавказского федерального округа небольшим количеством террористических актов, совершенных с 2009 по 2014 г. Однако в обоих субъектах в 2014 г. произошло существенное по сравнению с предыдущими годами увеличение числа террористических актов (см. табл. 1). Кроме того, в этих двух субъектах уровень безработицы за последние десять лет был практически менее 10 % (см. табл. 6 и 8). Здесь высокие положительные величины коэффициента корреляции (см. табл. 6) между уровнем безработицы и динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. дости-

гаются в интервалах времени с 1998 по 2002 г. (0,759 3); с 2003 по 2007 г. (0,765 9); с 2008 по 2012 г. (0,763 7). Высокая отрицательная величина коэффициента корреляции отмечается в период с 1996 по 2000 г. (–0,987 0).

Высокая по абсолютной величине корреляция с динамикой числа террористических актов с 2010 по 2014 г. имеет место в интервалах времени с 1997 по 2001 г. (–0,994 7); с 2007 по 2011 г. (–0,903 5) (см. столбец 3 табл. 6).

Высокое положительное значение коэффициента корреляции между динамикой отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню и динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. имеет место для Республики Северная Осетия — Алания в интервале с 1997 по 2001 г. (0,961 5). Высокое отрицательное значение коэффициента корреляции наблюдается в период с 2002 по 2006 г. (–0,837 0). В данном случае наибольшие по абсолютной величине значения корреляции с динамикой количества террористических актов с 2010 по 2014 г. достигаются в периоды с 1996 по 2000 г. (–0,807 3); с 1998 по 2002 г. (0,770 3); с 2004 по 2008 г.

Таблица 5 / Table 5
Карачаево-Черкесская Республика / Karachaevo-Circassia Republic

Год / Year	1	2	3	4	5	6
1992	5,6
1993	9,6
1994	11,3	0,524 5
1995	27,4	0,550 6
1996	20,8	0,867 4	0,260 5	0,570 4
1997	18,9	0,674 9	0,519 5	0,565 0
1998	25,5	0,218 6	0,570 3	0,575 0	0,689 6	0,754 6
1999	21,4	–0,111 9	–0,671 6	0,533 0	0,485 6	–0,631 0
2000	21,5	0,293 5	0,409 7	0,508 6	–0,410 4	–0,542 2
2001	18,9	0,154 7	–0,291 8	0,505 2	–0,716 6	–0,566 6
2002	12,1	–0,398 9	–0,804 2	0,556 3	–0,839 4	0,009 1
2003	18,3	–0,935 2	0,018 3	0,560 3	0,349 2	0,195 2
2004	17,2	–0,406 9	–0,592 9	0,548 4	0,815 7	0,480 2
2005	13,8	0,058 9	–0,332 0	0,550 6	0,586 8	0,524 3
2006	19,2	0,041 2	0,787 7	0,552 1	–0,623 0	–0,436 3
2007	18,1	0,085 7	–0,341 9	0,556 0	–0,486 9	–0,059 7
2008	15,9	0,411 1	–0,006 8	0,542 7	0,604 0	–0,637 6
2009	12,0	0,172 8	–0,339 2	0,562 2	–0,424 5	0,866 1
2010	10,3	–0,671 4	–0,630 5	0,541 5	0,342 1	–0,829 4
2011	9,8	–0,792 1	–0,650 3	0,532 6	–0,258 2	–0,339 4
2012	8,9	–0,742 3	–0,694 0	0,582 5	–0,342 3	0,714 4
2013	9,8	–0,929 2	–0,361 1	0,598 0	0,262 2	0,295 1
2014	13,0	...	0,610 7	0,607 7	...	0,638 3

(–0,753 7); с 2009 по 2013 г. (0,792 4) (см. столбец 6 табл. 6).

Имеющиеся статистические данные по Чеченской Республике представлены в табл. 7. Здесь количество террористических актов с 2009 по 2013 г. неуклонно снижается (с 437 до 66), но в 2014 г. происходит их рост до 121 (см. табл. 1). Максимальное положительное значение коэффициента корреляции, равное 0,836 2, между динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. и динамикой уровня безработицы достигается в период с 2006 по 2010 г. Высокие отрицательные величины коэффициента корреляции между динамикой отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню и динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. имеют место в интервале времени с 2000 по 2006 г. (минимальное отрицательное значение равно –0,923 2; максимальное отрицательное значение равно –0,995 7). При этом отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню в Чеченской Республике с 2003 по 2009 г. было наиболее высоким среди субъектов Северо-Кавказского федерального округа (см. табл. 2–8), хотя при этом уровень безработицы намного выше, чем в других республиках окру-

га. Таким образом, наблюдается сильная корреляционная зависимость между повышением отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню с 2000 по 2005 г. и снижением количества террористических актов с 2009 по 2013 г. В то же время имевшая место после 2005 г. тенденция снижения отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню (продолжавшаяся до 2008 г.) привела к высоким положительным величинам коэффициента корреляции с динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г.: 0,913 2 — с 2005 по 2009 г., 0,871 8 — с 2006 по 2010 г. и 0,840 1 — с 2007 по 2011 г. Тенденции, отраженные в столбцах 3 и 6 табл. 7, подтверждают вышесказанное.

В Ставропольском крае динамика количества террористических актов с 2009 по 2013 г. имеет высокие положительные значения коэффициента корреляции с динамикой уровня безработицы в интервалах времени с 1992 по 1996 г. (0,786 7); с 1994 по 1998 г. (0,755 8); с 1996 по 2000 г. (0,832 2). Высокие отрицательные значения коэффициента корреляции между названными показателями достигаются в периоды с 2002 по 2006 г. (–0,829 1); с 2004 по 2008 г. (–0,851 8); с 2009 по 2013 г. (–0,784 0).

Таблица 6 / Table 6

Республика Северная Осетия — Алания / Northern Ossetia — Alaniya Republic

Год / Year	1	2	3	4	5	6
1994	0,534 5
1995	23,3	0,518 0
1996	30,1	0,554 0
1997	22,2	0,539 9
1998	26,6	0,575 6	–0,494 9	0,504 8
1999	32,0	0,210 0	0,602 3	0,551 9	–0,135 6	–0,219 7
2000	28,5	–0,987 0	0,143 7	0,524 7	–0,037 3	–0,807 3
2001	16,7	0,214 3	–0,994 7	0,525 5	0,961 5	–0,405 6
2002	12,6	0,759 3	–0,553 4	0,561 2	0,085 2	0,770 3
2003	10,0	0,501 4	–0,109 2	0,507 9	–0,486 5	–0,437 6
2004	11,2	0,115 9	0,174 6	0,513 0	0,398 9	–0,526 4
2005	8,8	0,055 1	–0,036 6	0,552 0	0,576 8	0,588 7
2006	8,3	0,174 4	–0,267 5	0,556 6	–0,837 0	0,616 5
2007	9,8	0,765 9	0,369 1	0,561 0	–0,516 4	0,027 6
2008	9,8	–0,568 0	0,540 0	0,529 3	0,197 0	–0,753 7
2009	10,4	–0,651 8	0,267 2	0,581 2	0,295 8	0,650 8
2010	9,7	0,000 0	–0,382 2	0,564 0	–0,388 0	0,286 8
2011	8,3	0,275 5	–0,903 5	0,572 4	–0,666 9	0,051 6
2012	7,9	0,763 7	–0,463 0	0,597 0	0,188 6	0,243 2
2013	8,1	0,426 5	0,104 3	0,653 1	–0,526 3	0,792 4
2014	8,6	...	0,562 0	0,625 1	...	–0,007 0

Похожая динамика корреляции наблюдается также между уровнем безработицы и количеством террористических актов с 2010 по 2014 г., правда, со сдвигом во времени на один — два года в ту или иную сторону (столбцы 2 и 3 табл. 8).

Высокое отрицательное значение коэффициента корреляции между динамикой количества террористических актов с 2009 по 2013 г. и

динамикой отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню в Ставропольском крае имеет место с 1995 по 1999 г. (–0,914 4). Высокое положительное значение данного показателя достигается в интервале времени с 2006 по 2010 г. (0,905 7). Корреляция между отношением среднемесячной номинальной начисленной

Таблица 7 / Table 7

Чеченская Республика / Chechen Republic

Год / Year	1	2	3	4	5	6
2000	0,396 6
2001	0,490 6
2002	0,575 1
2003	0,692 5
2004	0,745 0	–0,995 7	–0,901 1
2005	0,785 0	–0,993 9	–0,939 0
2006	67,7	0,759 6	–0,923 2	–0,985 5
2007	52,5	0,729 5	–0,499 1	–0,750 1
2008	36,0	0,680 3	0,676 2	0,389 9
2009	35,0	0,711 2	0,913 2	0,967 0
2010	43,3	0,836 2	0,972 2	0,664 3	0,871 8	0,773 5
2011	37,3	0,548 3	0,579 6	0,617 5	0,840 1	0,621 0
2012	29,8	0,242 7	–0,100 1	0,652 9	0,691 2	0,730 5
2013	26,9	0,677 7	0,482 2	0,699 6	0,249 0	0,565 9
2014	21,5	...	0,898 4	0,660 2	...	–0,445 5

Таблица 8 / Table 8

Ставропольский край / Stavropol Krai

Год / Year	1	2	3	4	5	6
1992	5,7
1993	6,2
1994	5,6	0,627 5
1995	9,4	0,661 7
1996	9,8	0,786 7	0,595 2	0,655 7
1997	13,9	0,429 4	0,911 1	0,647 9
1998	16,2	0,755 8	0,713 6	0,635 6	0,272 4	–0,328 9
1999	18,5	0,643 4	0,781 0	0,646 3	–0,914 4	–0,271 5
2000	13,9	0,832 2	0,031 8	0,646 9	–0,202 9	–0,215 7
2001	9,7	–0,255 0	–0,658 4	0,647 7	0,039 3	0,422 5
2002	9,7	–0,678 2	–0,632 2	0,650 7	0,653 4	0,573 6
2003	10,5	–0,690 9	–0,448 2	0,638 8	0,258 9	–0,863 2
2004	9,4	–0,486 4	–0,448 3	0,667 3	–0,246 4	0,912 3
2005	6,9	–0,257 1	–0,841 6	0,633 1	0,596 6	–0,699 0
2006	8,8	–0,829 1	–0,155 2	0,633 2	–0,636 2	–0,214 6
2007	6,5	–0,236 3	–0,807 8	0,636 2	–0,178 7	–0,389 0
2008	7,9	–0,851 8	0,106 7	0,642 5	–0,564 8	–0,094 2
2009	8,7	0,444 8	0,298 9	0,678 6	0,288 6	0,952 8
2010	6,9	0,047 1	–0,386 9	0,665 8	0,905 7	0,417 1
2011	6,0	–0,162 2	–0,442 0	0,667 1	0,436 7	0,515 5
2012	5,4	–0,572 7	–0,747 1	0,692 7	0,438 3	0,675 3
2013	5,6	–0,784 0	–0,489 4	0,689 7	0,628 8	0,424 0
2014	5,3	...	–0,604 9	0,695 4	...	0,693 0

заработной платы к общероссийскому уровню и количеством террористических актов с 2010 по 2014 г. достигает наибольших значений в интервалах с 1999 по 2003 г. (–0,863 2); с 2000 по 2004 г. (0,912 3); с 2005 по 2009 г. (0,952 8) (см. столбец 6 табл. 8).

Таким образом, прослеживается высокая степень корреляции количества зарегистрированных преступлений террористического характера по Северо-Кавказскому федеральному

округу с 2009 по 2014 г. с динамикой 16–18-летней давности уровня безработицы и отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы к общероссийскому уровню. Также высокая степень корреляции наблюдается с данными 7–10- и 2–4-летней давности. Следовательно, при разработке программ профилактики и предупреждения терроризма следует учитывать динамику уровня благосостояния населения в регионе в предыдущие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kelly R.L. *The Foraging Spectrum: Diversity in Hunter-gatherer Lifeways* / R.L. Kelly. — Washington, DC : Smithsonian Institution Press, 1995. — 446 p.
2. Chia-yi Lee. Democracy, civil liberties, and hostage-taking terrorism / Chia-yi Lee // *Journal of Peace Research*. — 2013. — Vol. 50, № 2. — P. 235–248.
3. Eubank W.L. Does democracy encourage terrorism? / W.L. Eubank, L.B. Weinberg // *Terrorism and Political Violence*. — 1994. — Vol. 6, № 4. — P. 417–435.
4. Eubank W.L. Terrorism and democracy: Perpetrators and victims / W.L. Eubank, L.B. Weinberg // *Terrorism and Political Violence*. — 2001. — Vol. 13, № 1. — P. 155–164.
5. Piazza J.A. Do democracy and free markets protect us from terrorism? / J.A. Piazza // *International Politics*. — 2008. — Vol. 45, № 1. — P. 72–91.
6. Weinberg L.B. Terrorism and democracy: What recent events disclose? / L.B. Weinberg, W.L. Eubank // *Terrorism and Political Violence*. — 1998. — Vol. 10, № 1. — P. 108–118.
7. Polyakov E.M. Islam and islamism in contemporary Russia: the lack of state power or factor of stabilization? / E.M. Polyakov // *World Applied Sciences Journal*. — 2014. — Vol. 30, № 4. — P. 428–437.
8. Агапов П.В. Основания и принципы криминализации организованной преступной деятельности / П.В. Агапов // *Государство и право*. — 2010. — № 3. — С. 55–65.
9. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика / С.М. Кочои. — М. : Проспект, 2005. — 175 с.
10. Hallsworth S. Reconstructing Leviathan: Emerging contours of the security state / Simon Hallsworth, John Lea // *Theoretical Criminology*. — 2011. — Vol. 15, № 2. — P. 141–157.
11. Поляков Е.М. Насилие и политический терроризм в современном мире / Е.М. Поляков // *Политическая концептология*. — 2013. — № 2. — С. 230–246.
12. Carson J.V. Counterterrorism and radical eco-groups: a context for exploring the series hazard model / J.V. Carson // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2014. — Vol. 30. — P. 485–504.
13. Lum C. Are Counter-terrorism strategies effective? The results of the Campbell systematic review on counter-terrorism evaluation research / Cynthia Lum, Leslie W. Kennedy, Alison Sherley // *Journal of Experimental Criminology*. — 2006. — № 2. — P. 489–516.
14. LaFree G. Introducing the Global terrorism database / G. LaFree, L. Dugan // *Terrorism and Political Violence*. — 2007. — Vol. 19, № 2. — P. 181–204.
15. LaFree G. Editor's introduction: quantitative approaches to the study of terrorism / G. LaFree, J.D. Freilich // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2012. — Vol. 28, № 1. — P. 1–5.
16. Авдеева Е.В. Правовые основы обеспечения свободы личности в России / Е.В. Авдеева // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. — 2013. — № 3 (89). — С. 113–116.
17. Dugan L. The series hazard model: An alternative to time series for event data / L. Dugan // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2011. — Vol. 27. — P. 379–402.
18. Латов Ю.В. Экономический анализ терроризма / Ю.В. Латов // *Общественные науки и современность*. — 2007. — № 5. — С. 28–45.
19. Landes W.M. An economic study of US aircraft hijackings 1961–1976 / W.M. Landes // *Journal of Law and Economics*. — 1978. — № 2. — P. 1–31.
20. Денисов В.В. Социология насилия / В.В. Денисов. — М. : Политиздат, 1975. — 216 с.

REFERENCES

1. Kelly R.L. *The Foraging Spectrum: Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways*. Washington, DC, Smithsonian Institution Press, 1995. 446 p.
2. Chia-yi Lee. Democracy, civil liberties, and hostage-taking terrorism. *Journal of Peace Research*, 2013, vol. 50, no. 2, pp. 235–248.
3. Eubank W.L., Weinberg L.B. Does democracy encourage terrorism? *Terrorism and Political Violence*, 1994, vol. 6, no. 4, pp. 417–435.
4. Eubank W.L., Weinberg L.B. Terrorism and democracy: Perpetrators and victims. *Terrorism and Political Violence*, 2001, vol. 13, no. 1, pp. 155–164.

5. Piazza J.A. Do democracy and free markets protect us from terrorism? *International Politics*, 2008, vol. 45, no. 1, pp. 72–91.
6. Weinberg L.B., Eubank W.L. Terrorism and democracy: What recent events disclose? *Terrorism and Political Violence*, 1998, vol. 10, no. 1, pp. 108–118.
7. Polyakov E.M. Islam and Islamism in contemporary Russia: the lack of state power or factor of stabilization? *World Applied Sciences Journal*, 2014, vol. 30, no. 4, pp. 428–437.
8. Agapov P.V. Reasons and principles of the criminalization of organized criminal activities. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2010, no. 3, pp. 55–65. (In Russian).
9. Kochoi S.M. *Terrorizm i ekstremizm: ugovovno-pravovaya kharakteristika* [Terrorism and Extremism: Criminal and Legal Characteristics]. Moscow, Prospect Publ., 2005, 175 p.
10. Hallsworth Simon, Lea John. Reconstructing Leviathan: Emerging contours of the security state. *Theoretical Criminology*, 2011, vol. 15, no. 2, pp. 141–157.
11. Polyakov E.M. Violence and political terrorism in the world today. *Politicheskaya kontseptologiya = The Political Conceptology*, 2013, no. 2, pp. 230–246. (In Russian).
12. Carson J.V. Counterterrorism and radical eco-groups: A context for exploring the series hazard model. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, vol. 30, pp. 485–504.
13. Lum Cynthia, Kennedy Leslie W., Sherley Alison. Are counter-terrorism strategies effective? The results of the Campbell systematic review on counter-terrorism evaluation research. *Journal of Experimental Criminology*, 2006, no. 2, pp. 489–516.
14. LaFree G., Dugan L. Introducing the Global terrorism database. *Terrorism and Political Violence*, 2007, vol. 9, no. 2, pp. 181–204.
15. LaFree G., Freilich J.D. Editor's introduction: Quantitative approaches to the study of terrorism. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, no. 1, pp. 1–5.
16. Avdeeva E.V. Legal basis for personal liberty provision in Russia. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy*, 2013, no. 3 (89), pp. 113–116. (In Russian).
17. Dugan L. The series hazard model: An alternative to time series for event data. *Journal of Quantitative Criminology*, 2011, vol. 27, pp. 379–402.
18. Latov Yu.V. Economic analysis of terrorism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2007, no. 5, pp. 28–45. (In Russian).
19. Landes W.M. An economic study of US aircraft hijackings 1961–1976. *Journal of Law and Economics*, 1978, no. 2, pp. 1–31.
20. Denisov V.V. *Sotsiologiya nasiliya* [Sociology of Violence]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Всеволод Владимирович — заведующий кафедрой телекоммуникационных систем и технологий Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация; ученый-исследователь Института перспективных исследований при Московском педагогическом государственном университете, г. Москва, Российская Федерация; кандидат физико-математических наук, доцент; e-mail: andreev_vsevolod@mail.ru.

Кадышев Евгений Николаевич — проректор по научной работе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, доктор экономических наук, профессор, г. Чебоксары, Российская Федерация; e-mail: pro_nauch@chuvsu.ru.

Кортунов Александр Игоревич — помощник директора ОАО «Чувашкабель», г. Чебоксары, Российская Федерация; e-mail: kai@ch-k.ru.

Семенов Владислав Львович — доцент кафедры управления качеством и конкурентоспособностью Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, кандидат экономических наук, доцент, г. Чебоксары, Российская Федерация; e-mail: wlad21@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Андреев В.В. Социально-экономические причины распространения терроризма / В.В. Андреев, Е.Н. Кадышев, А.И. Кортунов, В.Л. Семенов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 289–300. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(2).289-300.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreev, Vsevolod V. — Head, Chair of Telecommunication Systems and Technologies, Chuvash State University, Cheboksary, the Russian Federation; Researcher, Russian Institute for Advanced Study, Moscow State Pedagogical University, Moscow, the Russian Federation; Ph.D. in Physics and Mathematics, Ass. Professor; e-mail: andreev_vsevolod@mail.ru.

Kadyshev, Evgenii N. — Vice Rector for Research, Chuvash State University, Doctor of Economics, Professor, Cheboksary, the Russian Federation; e-mail: pro_nauch@chuvsu.ru.

Kortunov, Alexander I. — Director's Assistant, JSC Chuvashkabel, Cheboksary, the Russian Federation; e-mail: kai@ch-k.ru.

Semenov, Vladislav L. — Ass. Professor, Chair of Quality and Competitiveness Management, Chuvash State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Cheboksary, the Russian Federation; e-mail: wlad21@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Andreev V.V., Kadyshev E.N., Kortunov A.I., Semenov V.L. Socio-economic causes of terrorism's proliferation. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 289–300. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).289-300. (In Russian).